

DOI 10.15826/izv2.2024.26.4.062

УДК 821.161.1-4 Пришвин +

+ 811.511.1'373 + 811.511.12'373 +

+ 81'27 + 811.161.1'282.2(470.11.2)

С. В. Нагурная*Институт языка, литературы и истории
Карельского научного центра РАН*

Петрозаводск, Россия

«ФИННО-УГОРСКИЙ СЛЕД» В РАННЕЙ ПРОЗЕ М. М. ПРИШВИНА

Статья посвящена исследованию лексики, которая была заимствована в русские говоры Поморья в основном из прибалтийско-финских и саамского языков, представленной в первой книге известного русского писателя М. М. Пришвина «В краю непуганых птиц. Очерки Выговского края». Использование диалектных слов в произведении стало одним из художественных средств, с помощью которого писатель передал языковой колорит той части Карелии, которую он посетил в 1906 г., — Карельского Поморья.

В языке поморов отчетливо прослеживаются следы интенсивных языковых контактов русских переселенцев и аборигенного финно-угорского населения. Одним из наиболее значительных пластов заимствованной лексики является ландшафтная лексика. При описании северных поморских пейзажей М. М. Пришвин вводит в повествование такие слова, как *сельга, корга, луда, салма*. Заимствованной является и так называемая промысловая лексика. В статье анализируются лексемы, номинирующие явления и предметы, связанные с рыболовством и охотой жителей Выгозерья, — *ринда, кибас, кережа, нудья* и др. Отдельную группу заимствований составляют слова, связанные с жизнью поморов на необъятных водных просторах. Это и средства передвижения по воде — *сойма, карбас*, и географические названия, гидронимы, в первую очередь, название самого *Выгозера* и реки *Выг*.

В статье произведен этимологический анализ диалектизмов, которые сформировали стилистическую доминанту повествования и отразили не только своеобразие идиостиля М. М. Пришвина, но и многовековую историю складывания поморского населения и самобытного языка поморов.

К л ю ч е в ы е с л о в а: М. М. Пришвин; прибалтийско-финские языки; саамский язык; Поморье; лексика; этимология; языковые контакты; поморские говоры

Благодарности

Статья подготовлена в рамках выполнения госзадания КарНЦ РАН.

Ц и т и р о в а н и е: *Нагурная С. В.* «Финно-угорский след» в ранней прозе М. М. Пришвина // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2024. Т. 26, № 4. С. 101–113. <https://doi.org/10.15826/izv2.2024.26.4.062>

Поступила в редакцию: 30.08.2023

Принята к печати: 18.11.2024

Svetlana V. Nagurnaja

*Institute of Linguistics, Literature, and History
of the Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences
Petrozavodsk, Russia*

“FINNO-UGRIC TRACES” IN PRISHVIN’S EARLY PROSE

This article examines the vocabulary which was borrowed into the Russian dialects of Pomorie, mainly from the Finnic and Sami languages, and is found in the first book of the famous Russian writer M. M. Prishvin *In the Land of Fearless Birds. Essays on the Vyg Region*. The employment of dialect words in the work functioned as an artistic medium through which the writer articulated the distinctive linguistic character of Karelian Pomorie, the region of Karelia he visited in 1906.

An analysis of the language of Pomors reveals clear evidence of intensive linguistic contact between Russian settlers and the indigenous Finno-Ugric population. One of the most significant layers of borrowed vocabulary is landscape vocabulary. When describing the northern landscapes, Prishvin introduces into the narrative such words as *selga, korga, luda, salma*. The so-called commercial vocabulary is also borrowed. The article also analyses lexemes that nominate phenomena and objects related to fishing and hunting of the inhabitants of Vygozero — *rinda, kibas, kerezha, nudya*, etc. A separate group of loans are words related to the life of Pomors around the vast expanses of water. These are means of transportation on water such as *soima, karbas*, and place names, toponyms, first of all, the name of *Vygozero* itself and the *Vyg River*.

The article provides an etymological analysis of dialectal vocabulary, which not only formed the stylistic dominant of the narrative and reflected the originality of Prishvin’s idiosyncrasy but also reflected the centuries-old history of the formation of the Pomors and their original language.

Key words: M. M. Prishvin; Finnic languages; Sami language; Pomorie; vocabulary; etymology; language contacts; Pomor dialects

Acknowledgements

The article was prepared within the framework of the state task of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences.

For citation: Nagurnaja, S. V. (2024). “Finno-ugorskii sled” v rannei proze M. M. Prishvina [“Finno-Ugric Traces” in Prishvin’s Early Prose]. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*, 26(4), 101–113. <https://doi.org/10.15826/izv2.2024.26.4.062>

Submitted: 30.08.2023

Accepted: 18.11.2024

В феврале 2023 г. исполнилось 150 лет со дня рождения известного прозаика, «певца русской природы», Михаила Михайловича Пришвина. Писательской родиной для него вслед за Петербургом стала Карелия, которую заядлый путешественник, романтик и краевед посещал неоднократно — в 1906, 1907 и 1933 гг.

Наиболее длительной поездкой оказалась первая: в течение двух месяцев начинающий писатель знакомился «...с различными местами бездорожного и глухого тогда Карельского края, внимательно изучая жизнь народа, записывая сказки, песни, заговоры, поверья» [Пахомова, с. 8].

В июне 1906 г. Пришвин отправился в путешествие, имея при себе открытый лист Академии наук, «...удостоверяющий, что он едет для этнографических исследований и собирания материала по местным говорам» [Там же, с. 9]. Пришвин писал: «...мне вздумалось из центра умственной жизни нашей родины отправиться в такие дебри, где люди занимаются охотой, рыбной ловлей, верят в колдунов, в лесовую и водяную нечистую силу, сообщаются пешком по едва заметным тропинкам, освещаются лучиной, — словом, живут почти что первобытной жизнью» [Пришвин, с. 44].

Местом проживания и объектом исследования Пришвин выбрал окрестности озера Выг, расположенного между Онежским озером и Онежской губой Белого моря. Как отмечал писатель, названия «Выговский край» в географии не существует. «Этот край входит в общее название "Поморья". Но он своеобразен во всех отношениях и достоин отдельного названия. Он занимает всю ту местность, которая прилегает к берегам Выг-озера, впадающего в него с юго-запада Верхнего (южного) Выга и вытекающего из северного конца озера Нижнего (северного) Выга» [Там же, с. 61].

На основании дневниковых записей, сделанных во время путешествия, Пришвин написал свою первую книгу «В краю непуганых птиц. Очерки Выговского края», которая носила «...подчеркнуто документальный характер этнографического свидетельства, но в которой уже ясно видно и незаурядное литературное дарование автора, особенности его индивидуального стиля — точность и яркость языка, живость и достоверность созданных образов» [Козловский, с. 5].

В формировании картины поморского Выгозерья большую роль играет народная речь. Для передачи колорита северных пейзажей и особенностей народного просторечья героев Пришвин употребляет диалектизмы, литературные аналоги которых зачастую «...приведены прямо в скобках по тексту, чтобы не отвлекать читателя на специальные комментарии» [Святославский, с. 30].

Использование диалектных вкраплений в художественном тексте является, с одной стороны, стилиобразующим средством, с другой — выполняет этнографическую функцию. Примерами тому могут служить якутская лексика в «сибирских» произведениях В. Г. Короленко, рязанские регионализмы в повестях Б. А. Можая и т. д. Поморские диалектизмы, встречаемые в ранней прозе Пришвина, помимо того, что несут на себе определенную этнографическую нагрузку и являются средством формирования идиостиля писателя, представляют несомненную лингвистическую ценность. В диалектной лексике нашли отражение контакты славян и финно-угров, происходившие на территории описываемого Пришвиным Выговского края.

Исследование

Во время путешествия по Выговскому краю особое внимание молодого прозаика привлекла диалектная речь героев из народа [Святославский, с. 33]. Впоследствии о языке выгозерцев Пришвин написал: «Очень, очень язык мне этот поморский, северный понравился, сжатый и сильный, и так он охотно, так великодушно включил в себя, как свои родные салмы, ламбины, корги и много такого всего. Теперь я подозреваю, что и люди сами, и язык их много усвоили карельского, финского и что мне тогда представлялось как древне-русское, новгородское, вероятней всего, исходило настолько же, если не больше, от крови карельской» [Пришвин, с. 46].

Особенности местных беломорских говоров свидетельствуют о карельском прошлом Поморья. Автор «Словаря живого поморского языка» И. М. Дуров отмечал, что «...первобытный от заселявших этот край Беломорья доисторических лопарских и финно-карельских народностей говор не сохранился в народной памяти русского населения, как таковой; но он все же и не остался бесследным» [Дуров, с. 11].

Лексика беломорских говоров подтверждает интенсивность славянского движения на север, в ходе которого происходило обособление тех или иных зон «...в условиях многовекового этнографического и языкового смешения» [Герд, с. 99]. Карельское языковое воздействие, которое прослеживается на всех языковых уровнях поморских говоров, наиболее ощутимо именно в лексике [Сало, с. 19].

На побережье Белого моря «...в результате активного многовекового контактирования саамского, карельского и русского этносов, образовалась особая группа севернорусского населения, именуемая в историко-этнографической литературе поморами» [Кузьмин, с. 20].

В языке поморов сохранились многочисленные слова карельского происхождения, которые при переходе карелов на русский язык вписались в русскую лексическую систему. Это касается в первую очередь терминологии, называющей ландшафтно-географические особенности местности [Муллонен, Панченко, с. 25].

Финно-угорский след отчетливо прослеживается, в частности, в гидронимии Поморья, в этом смысле показательно название самого Выгозера и реки Выг. Гидроним Выг возник в древности в речи населявших Беломорское побережье саамов. Выг являлся важным участком транзитного водно-волокового пути, соединявшего Онежское озеро с Белым морем, поэтому название закрепилось в русском употреблении, откуда позднее было усвоено карелами [Муллонен, с. 62].

Проникновенно описывая северную природу, передавая колорит Выгозерья, Пришвин широко использовал местную лексику, которая встречается уже на первых страницах «Очерков»: «Легкая зыбь “колышень” рябит воду. Пароходом она не ощущается, но маленькое озерное судно “сойма” слегка покачивается.

Немножко колышется и "лайда" — финское судно с картинно-натянутыми парусами» [Пришвин, с. 47].

Слово *сойма* — название грузового или рыбацкого парусного судна — известно в русском языке с 1576 г. Его источником является приб.-фин. *saima* 'вид парусника' (фин.-перм. *sajima* 'выдолбленная из дерева посудина, судно') [Аникин, 2018, с. 167]. Считается, что вариант с севернорусским вокализмом *сойма* представляет собой результат карельско-вепсского влияния [Мызников, 2019, с. 749].

В Выговском крае лодки были основным транспортным средством, именно на крестьянских парусных лодках совершал свое путешествие по Выгозерью Пришвин. «Пришвинские описания насыщены конкретной местной диалектной лексикой, связанной с жизнью на воде...» [Пискулин, с. 231]. Плывая на карбасе, писатель увидел Воицкие водопады близ Надвоиц: «Маленькая долбленая лодочка, "карбасик", ставится кормщиком приблизительно под углом 45° к струе. Вода, ударяя в нос карбаса, старается перевернуть его...» [Пришвин, с. 70].

Карбас — 'поморская лодка, предназначенная для перевозки грузов или ловли рыбы' [Мызников, 2019, с. 253]. Лексема является заимствованием из прибалтийско-финских языков (вепс. *karbaz*, фин. *karvas* 'лодка-долбленка'). Слово активно употреблялось в памятниках письменности с XVI в. Наиболее подробное описание поморского карбаса содержится в словаре И. М. Дурова, где помимо разнообразных наименований видов карбаса приведены оригинальные дериваты — *карбасник*, *карбасница* и др. [Дуров, с. 163]. Следует подчеркнуть, что карбасы в традиционной культуре Поморья занимали исключительно важное место как в материальном отношении, так и в плане духовности. Присутствие карбасов в традиционной жизни поморов было настолько значительным, что зачастую им приписывали качества существа одушевленного [Логинов, с. 52].

Интерес Пришвина к специфической карельской природе проявляется в самой заглавии «Очерков». С первых строк писатель определил основные природные доминанты Поморского региона, назвав следующую за введением главу «Лес, вода и камень» [Трубицина, с. 75]. Пришвин «...внимателен к подробностям пейзажа, местным словечкам, которые выделяет курсивом и объясняет, к названиям ветров и с удовольствием их перечисляет» [Варламов, с. 59]. Среди названий ветров — *торок*: «Налетит торочек — случайный ветерок (вихрь), и заблестит водная гладь миллионами искр» [Пришвин, с. 63]. *Торок* — 'порыв ветра в море, шквал'; слово принято считать саамским заимствованием (саам. *toarak* 'буря') [Мызников, 2019, с. 798].

Описывая повисшую над озером радугу, Пришвин повествует: «Стали присматриваться, куда падает конец радуги. Если на сузёмок, то дождя не будет, если на воду, то снова темень зайдет» [Пришвин, с. 63]. *Сузём* — густой непроходимый лес, лесная глушь, чащоба. Слово является ранним прибалтийско-финским заимствованием (фин. *sysmä*, кар. *süisma* 'отдаленный лес'), распространено на Русском Севере, Урале и в Сибири, по его истории написаны обстоятельные очерки [Гайдамашко, с. 196].

Бескрайние хвойные леса, озера с обилием островов, бурные реки с водопадами поразили Пришвина, «...привыкшего к центральнорусским лесостепям, с обширными распаханными полями, немногочисленными остатками лесов, маловодными реками» [Пискулин, с. 231]. На пути к Карельскому острову — конечному пункту назначения — Пришвин проезжает *салмочку, коргу, бережную сельгу*. О многочисленных островах он говорит словами своих героев: «У нас их так много, что и не толкуем. Всего на озере их — сколько дней в году и еще три. Острова да салмы, острова да салмы» [Пришвин, с. 62]. И сам объясняет: «Салмы — значит проливы, слово карельское, как и все географические названия, сохранившие память о старых хозяевах этого озера» [Там же]. *Салма* традиционно считается прибалтийско-финским заимствованием (фин. *salmi*, кар. *sal'm* и *šalmi*, вепс. *soïm* ‘пролив’) [Мызников, 2019, с. 713].

Лексема *корга*, известная в русском языке с XVI в. в значении ‘каменистая мель в водоеме, морская отмель’, с севернорусской географией, восходит к кар. *korgo, korko* в значении ‘песчаная отмель’ и саам. *kargg* в значении ‘подводная скала’. Современные данные по прибалтийско-финским языкам позволяют подтвердить карельскую этимологию слова со сходными русскими диалектными данными на Кольском полуострове [Мызников, 2019, с. 341].

Слово *сельга* в русских говорах Беломорья известно в нескольких значениях (‘возвышенное место, поросшее лесом’ или ‘большой лесной массив’) и рассматривается как заимствование из прибалтийско-финских языков (кар. *šelkä, selgä, selgu, šel'g* ‘спина, хребет; скала’, вепс. *sel'g* ‘спина’ [Мызников, 2021, с. 453]). Многозначность лексемы отмечена еще в словаре Г. Куликовского, где наряду с названной семантикой указывается также ‘место, расчищенное ради посева хлеба’ [Куликовский, с. 106]. По мнению О. А. Теуш, значения ‘лес’ и ‘возвышенность, поросшая лесом’ хорошо объясняются из прибалтийско-финских данных, однако переход ‘возвышенности’ в ‘подсеку’ менее обоснован. Значение *сельга* ‘подсека’ этимологизируется из вепс. *sel'g'it'ez* ‘расчищенное место в лесу для пожни’ и *sel'g'itada* ‘чистить, очищать’ [Теуш, с. 104].

Пришвин отмечает, что добраться до островов не всегда возможно на лодке, острова окружены подводными камнями — лудами: «Камни, окружающие остров, объясняют, что он не что иное, как размытая сельга. В середине его, на неразмытой части... селились деревья, охватывая камни корнями, а размытые части образовали корги, то есть каменистые косы, и луды — подводные камни» [Пришвин, с. 64]. Луды — места нереста рыбы; есть и сухие луды, где собираются стаями чайки.

Луда — ‘каменистая мель, отмель’. Слово бытует в русском языке с XVI в., отмечено в былинных текстах. Лексема восходит к прибалтийско-финским данным (фин. *luoto*, кар. *luodo* и *luod* ‘подводная скала, небольшой остров’) [Мызников, 2019, с. 455]. Отметим, что морская географическая терминология является продуктивной «донорской сферой» для переноса значений слов. Процессу переосмысления подверглись и лексемы *луда* и *корга*: первая

употребляется в значении 'скопление грибов', вторая в значении 'возвышенность в лесу' [Сурикова, с. 662].

На лудах рыбчат местные мальчишки. Рассказывая о рыболовстве в Выговском крае, Пришвин широко использует поморскую лексику: *мережный лов, парвы окуней* [Пришвин, с. 95–97]. *Парва* — 'косяк, стая рыб'; слово принято считать прибалтийско-финским заимствованием (кар. и фин. *parvi* 'стая'). Лексема фиксируется на достаточно обширной территории — от Белого моря до Посвирья [Мызников, 2019, с. 580].

Рыболовецкий промысел традиционно являлся основой жизни поморов, поэтому промысловая лексика рыбаков Белого моря представляет собой значительный языковой пласт. В данной группе слов также нашли отражение результаты новгородской колонизации и взаимовлияния пришлого русского населения и местного (карельского и саамского) [Кюршунова, Гусева, с. 72]. К числу таких слов относится и подробно описанная М. М. Пришвиным часть невода *ринда*: «От матицы крыло начинается котколуксой саженой в пять, потом следует ринда, также саженой в пять, за ней частые сети и плутивные, те и другие вдвое длиннее ринды» [Пришвин, с. 102]. Лексема *ринда* 'частая сеть невода' зафиксирована в памятниках письменности с XVII в., этимологизируется из прибалтийско-финских языков и приобрела более узкое значение по сравнению со значением оригинала (кар. *rinda*, фин. *rinta* 'грудь; край; сеть') [Мызников, 2019, с. 671; Сало, с. 17].

Среди рыболовной лексики — известные поморские *кибаксы*: «Сначала на воде виднеются только кибаксы, то есть поплавки...» [Пришвин, с. 102]. *Кибас* — 'берестяной или деревянный поплавок рыболовной сети'; слово определяется как результат контаминации слов *кубас* (кар. *kubas*, фин. *kuvas* 'поплавок сети') и *кивес* (кар. *kives* 'грузило') [Мызников, 2019, с. 291, 293, 355]. В лексеме *кибаксы* отражена форма множественного числа прибалтийско-финского источника [Там же, с. 291].

Лесная охота — менее распространенный, но также важный промысел поморов. «Охотничья лексика представляет собой более изолированную терминологическую систему по сравнению с рыболовецкой» [Мызников, 2003, с. 383]. Охотники здесь — это *полесники*, а охотиться — значит *полесничать*. Любопытно, что семантика глагола *полесничать* со значением 'охотиться' рассматривается исследователями как результат финно-угорского влияния (фин. *metsästää* 'охотиться' при *metsä* 'лес') [Аникин, 2000, с. 355].

Важной реалией для передвижения охотников является *кережа*. «Полесники живут маленькими деревнями в лесах у озер, сообщаются они с остальным миром по едва заметным тропинкам пешком, зимой — на лыжах, и возят маленькие сани кережи с поклажей» [Пришвин, с. 120]. *Кережа* — это «...особенного устройства сани в виде узкой лодочки с острым носом и широкой кормой» [Дуров, с. 166]. Как и большинство беломорских слов на *ке-*, *кережа* относится к субстратной лексике (саам. *kierres* 'сани') [Михайлова, с. 111].

Повествуя о жизни полесников, М. М. Пришвин отмечает, что ночуют охотники обычно у *нудьи*. «Они срубают два дерева, кладут одно над другим и между ними сучья, хворост, паккулу (грибы) как можно больше» [Пришвин, с. 130]. Таким образом сооружается долго горящий, тлеющий охотничий костер. В севернорусских говорах *нудья* имеет множество фонетических вариантов (*нодьа, нотья, нодьба* и др.). У лексемы прибалтийско-финские корни (кар. *nuodivo*, вепс. *nod'g*, фин. *nuotio* 'костер на стоянке'), причем она не имеет широкого распространения на финно-угорской почве. В мансийский, марийский языки и в коми слово заимствовано уже из русского языка, а его прибалтийско-финское гнездо также неисконно [Мызников, 2019, с. 532]. Через русские говоры лексема вошла в охотничью терминологию и получила широкое распространение в восточном направлении вплоть до говоров Урала и Сибири [Мызников, 2010, с. 404]. Так, например, в исследовании, посвященном особенностям промысловой речи Прикамья, указывается, что «...от таежника требуется большое умение соорудить хорошо "работающую" нодью, знание особых тонкостей... чтобы поддерживающие сооружение колья не горели и конструкция не развалилась, верхнее бревно должно быть длиннее нижнего, и колья должны держать лишь самые концы верхнего бревна» [Подюков, с. 166].

По собачьему лаю полесники определяют местонахождение дичи: «...на верху дерева сидит громадная птица "копола" — самка глухаря — и смотрит, угнув голову вниз, на собаку» [Пришвин, с. 127]. В русские говоры слово *копала* (в многообразии фонетических вариантов) вошло из карельских диалектов (кар. *koppola, koppala, koppal* 'глухарка' [Мызников, 2019, с. 334]. Ареальная дистрибуция лексемы также весьма широка — от Белого моря до русских говоров Приамурья [Мызников, 2004, с. 100].

На лосей и оленей поморы охотятся зимой, так как летом найти их трудно: «...они скрываются где-нибудь по канабрам и оргам, в непроходимой глуши, у ручьев» [Пришвин, с. 129]. *Канабра* — 'багульник', слово встречается также в значении 'вереск' (кар. *kanabro* 'вереск'). *Орга* — 'густой лес', 'овраг' или 'топкое место, поросшее лесом' (кар. *orgo* 'болото, поросшее лесом'). Примечательно, что в одной из новгородских берестяных грамот, датированной XII в., употреблено слово *орог*, которое, по мнению исследователей, заимствовано из карельского *orgo* и объясняет этимологию таких диалектных лексем, как *орга* и *орожный* [Зализняк, с. 390].

В лесу летом лишь изредка «...пробежит олень, закинув назад рога, или выйдет на лесную полянку важенка (самка оленя) пощипать траву» [Пришвин, с. 130]. Слово *важенка*, прочно вошедшее в литературный русский язык, имеет саамские корни (саам. *vādž* 'самка оленя' [Мызников, 2019, с. 110]).

Значительная часть русских диалектных лексем, относящаяся к оленеводству, представляет собой заимствование из финно-угорских и самодийских языков. Многие лексемы имеют давние фиксации в лексикографических и других источниках [Мызников, 2022, с. 50].

Заклучение

Диалектная лексика употребляется Пришвиным для определенных стилистических целей, диалектизмы — это часть системы художественных средств в произведениях писателя. М. М. Пришвин определял свой метод художественного изображения действительности как этнографический, однако его произведения — это не только этнографический, но и богатый лингвистический источник.

Самобытная лексика Русского Севера вслед за «Очерками Выговского края» встречается в последующих произведениях Пришвина — «За волшебным колобком» (1908), «Отцы и дети. Беломорско-Балтийский водный путь» (1937), «Осударева дорога» (1957), которые были созданы писателем под впечатлением от более поздних путешествий на север.

Край непуганых птиц для Пришвина — это место, где «...жива народная душа в своей незамутненной чистоте, где прошлое и настоящее сходятся в пространстве русского Севера с его чарующими бесценными звуками народной речи» [Борисова, с. 4].

Прозу Пришвина известный русский писатель Константин Паустовский называл разнотравьем русского языка. В это разнотравье гармонично влился финно-угорский языковой материал, являющийся свидетельством длительных языковых контактов на территории Поморья.

Сокращения

вепс.	вепсский язык	саам.	саамский язык
кар.	карельский язык	фин.	финский язык
приб.-фин.	прибалтийско-финские языки	фин.-перм.	финно-пермские языки

Источники

Дуров И. М. Словарь живого поморского языка в его бытовом и этнографическом применении. Петрозаводск : ИЯЛИ КарНЦ РАН, 2011.

Куликовский Г. И. Словарь областного олонекского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб. : Имп. Акад. наук, 1898.

Пришвин М. М. Собрание сочинений : в 8 т. М. : Худож. лит., 1982. Т. 1.

Исследования

Аникин А. Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири. Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. М. ; Новосибирск : Наука, 2000.

Аникин А. Е. О происхождении некоторых русских слов из сферы материальной культуры. II. Водный транспорт: «сойма», «буса», «камья», «барка», «халка» // Сибирский филологический журнал. 2018. № 3. С. 166–167.

Борисова Н. В. Русский мир Михаила Пришвина // Михаил Пришвин: диалоги с эпохой / отв. ред. Н. А. Пешехонова. Елец : ЕГУ им. И. А. Бунина, 2008. С. 3–8.

- Варламов А. Н.* Стоило ли распугивать птиц, или Пришвин в Карелии // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2012. № 5. С. 58–67.
- Гайдамашко Р. В.* О севернорусской лексике финно-угорского происхождения в пермских говорах (на материале тематической группы «Ландшафт») // Севернорусские говоры. 2012. Вып. 12. С. 181–205.
- Герд А. С.* К истории образования говоров Беломорья // Диалектное и просторечное слово в синхронии и диахронии / под ред. Ю. И. Чайкиной. Вологда : Изд-во ВГПИ, 1987. С. 94–103.
- Зализняк А. А.* Древненовгородский диалект. М. : Языки славянской культуры, 2004.
- Козловский Ю. А.* О Михаиле Михайловиче Пришвине и его дневниках // М. М. Пришвин. Дневники / сост. Ю. А. Козловский. М. : Правда, 1990. С. 3–8.
- Кузьмин Д. В.* К проблеме формирования населения западного побережья Белого моря (по данным топонимии) // Финно-угорская топонимия в ареальном аспекте : материалы науч. симп. / сост. И. И. Муллонен. Петрозаводск : КарНЦ РАН, 2007. С. 20–89.
- Кюришнова И. А., Гусева Е. Р.* Карельское Поморье в лингвистическом контексте // Научный диалог. 2020. № 10. С. 62–95. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2020-10-62-95>
- Логинов К. К.* Поморские карбасы (Карельский, Поморский и Летний берега) // Труды Кольского научного центра РАН. 2020. Сер. Гуманитарные исследования. Вып. 18, № 1 (11). С. 43–54.
- Михайлова Л. П.* Беломорье как объект исторического, этнокультурного и ареального исследования сквозь призму языка // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2018. № 6 (175). С. 109–112.
- Муллонен И. И.* Загадка Выга // Вопросы ономастики. 2008. № 6. С. 58–63.
- Муллонен И. И., Панченко О. В.* Первый карельско-русский словарь и его автор афонский архимандрит Феофан. Петрозаводск : ПетрГУ, 2013.
- Мызников С. А.* Русские говоры Обонежья. Ареально-этимологическое исследование лексики прибалтийско-финского происхождения. СПб. : Наука, 2003.
- Мызников С. А.* Лексика финно-угорского происхождения в русских говорах Северо-Запада. Этимологический и лингвогеографический анализ. СПб. : Наука, 2004.
- Мызников С. А.* Лексика прибалтийско-финского происхождения в былинах Обонежья и Беломорья // «Калевала» в контексте региональной и мировой культуры : материалы междунар. науч. конф., посвящ. 160-летию полного издания «Калевалы» / отв. ред. И. И. Муллонен. Петрозаводск : КарНЦ РАН, 2010. С. 396–409.
- Мызников С. А.* Русский диалектный этимологический словарь. Лексика контактных регионов. М. ; СПб. : Нестор-История, 2019.
- Мызников С. А.* Русские говоры Беломорья в контексте этноязыкового взаимодействия: опыт комплексного исследования. М. ; СПб. : Нестор-История, 2021.
- Мызников С. А.* Оленеводческий лексикон в уральских языках в контексте языковых контактов // Этническая культура. 2022. Т. 4, № 1. С. 44–54.
- Пахомова М.* Пришвин и Карелия. Петрозаводск : Гос. изд-во Карел. АССР, 1960.
- Пискулин А. А.* Выговский край Олонецкой губернии в творчестве М. М. Пришвина // Вестник ТГУ. 2010. Вып. 10 (90). С. 228–232.
- Подюков И. А.* Особенности промысловой речи Прикамья (по данным лексики охоты и рыболовства) // Традиционная культура Пермского края в зеркале лексики и фразеологии / под общ. ред. И. И. Русиновой. Пермь : Изд. центр Perm University Press, 2014. С. 161–194.
- Сало И. В.* Влияние прибалтийско-финских языков на севернорусские говоры поморов Карелии : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1966.

Святославский А. В. Художественный текст Михаила Пришвина : лингвостилистический аспект. М. : МПГУ, 2019.

Сурикова О. Д. «Большая вода» у поморов // Русский Север: лексика и ономастика / редкол. Е. Л. Березович, Н. В. Кабинина, В. С. Кучко, К. В. Осипова. М. : Индрик, 2021. С. 655–664.

Теуш О. А. Этимологизация финно-угорских заимствований в русском языке и семантический анализ // Вопросы языкознания. 2003. № 1. С. 99–108.

Трубицина Н. А. Водная стихия как доминанта «карельского текста» в книге Михаила Пришвина «В краю непуганых птиц» // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2013. № 3. С. 74–77.

References

Anikin, A. E. (2000). *Etimologicheskii slovar' russkikh dialektov Sibiri. Zaimstvovaniia iz ural'skikh, altaiskikh i paleoaziatskikh iazykov* [Etymological Dictionary of Russian Dialects of Siberia. Borrowings from Uralic, Altaic and Paleoasiatic Languages]. Moscow; Novosibirsk: Nauka.

Anikin, A. E. (2018). O proiskhozhdenii nekotorykh russkikh slov iz sfery material'noi kul'tury. II. Vodnyi transport: "soima", "busa", "kam'ia", "barka", "khalka" [On the Origin of Some Russian Words from the Sphere of Material Culture. II. Water Transport: "soima", "busa", "kamy", "barka", "khalka"]. *Sibirskii filologicheskii zhurnal*, 3, 166–167.

Borisova, N. V. (2008). Russkii mir Mikhaila Prishvina [Mikhail Prishvin's Russian World]. In N. A. Peshehonova (Ed.), *Mikhail Prishvin: dialogi s epokhoi* [Mikhail Prishvin: Dialogues with the Era] (pp. 3–8). Elets: EGU im. I. A. Bunina.

Gaidamashko, R. V. (2012). O severnorusskoi leksike finno-ugorskogo proiskhozhdeniia v permskikh govorakh (na materiale tematicheskoi gruppy "Landshaft") [On the Northern Russian Vocabulary of Finno-Ugric Origin in Permian Dialects (with Reference to the "Landscape" Thematic Group)]. *Severnorusskie govory*, 12, 181–205.

Gerd, A. S. (1987). K istorii obrazovaniia govorov Belomor'ia [On the History of the Formation of the Dialects of the White Sea]. In Yu. I. Chaikina (Ed.), *Dialektnoe i prostorechnoe slovo v sinkhronii i diakhronii* [Dialect and Colloquial Words in Synchrony and Diachrony] (pp. 94–103). Vologda: Izd-vo VGPI.

Kozlovsky, Yu. A. (1990). O Mikhaile Mikhailoviche Prishvine i ego dnevnikh [About Mikhail Mikhailovich Prishvin and His Diaries]. In Yu. A. Kozlovsky (Ed.), *M. M. Prishvin. Dnevnik* [M. M. Prishvin. Diaries] (pp. 3–8). Moscow: Pravda.

Kuzmin, D. V. (2007). K probleme formirovaniia naseleniia zapadnogo poberezh'ia Belogomoria (po dannym toponimii) [On the Problem of the Formation of the Population of the Western Coast of the White Sea (Based on Toponymy)]. In I. I. Mullonen (Ed.), *Finno-ugorskaia toponimiia v areal'nom aspekte: materialy nauchnogo simpoziuma* [Finno-Ugric Toponymy in the Areal Aspect: Proceedings of a Scholarly Symposium] (pp. 20–89). Petrozavodsk: KarNC RAN.

Kyurshunova, I. A., & Guseva, E. R. (2020). Karel'skoe Pomor'e v lingvisticheskom kontekste [Karelian Pomorie in a Linguistic Context]. *Nauchnyi dialog*, 10, 62–95. [https:// doi. org/10.24224/2227-1295-2020-10-62-95](https://doi.org/10.24224/2227-1295-2020-10-62-95)

Loginov, K. K. (2020). Pomorskie karbasy (Karel'skii, Pomorskii i Letnii berega) [The Pomor Karbaz (Karelian, Pomorie and Summer Coasts)]. *Trudy Kol'skogo nauchnogo tsentra RAN. Seriya Gumanitarnye issledovaniia*, 18, 1 (11), 43–54.

Mikhailova, L. P. (2018). Belomor'e kak ob"ekt istoricheskogo, etnokul'turnogo i areal'nogo issledovaniia skvoz' prizmu iazyka [Belomor'e as an Object of Historical, Ethno-cultural and Areal Research through the Prism of Language]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta*, 6 (175), 109–112.

- Mullonen, I. I. (2008). Zagadka Vyga [The Riddle of the Vyg]. *Voprosy onomastiki*, 6, 58–63.
- Mullonen, I. I., & Panchenko, O. V. (2013). *Pervyi karel'sko-russkii slovar' i ego avtor afonskii arkhimandrit Feofan* [The First Karelian-Russian Dictionary and its Author, Archimandrite Feofan, Athos]. Petrozavodsk: PetrGU.
- Myznikov, S. A. (2003). *Russkie govory Obonezh'ia. Areal'no-etimologicheskoe issledovanie leksiki pribaltiisko-finskogo proiskhozhdeniia* [Russian Dialects of Obonezhie. Areal-etymological Study of the Lexicon of the Finnic Origin]. St Petersburg: Nauka.
- Myznikov, S. A. (2004). *Leksika finno-ugorskogo proiskhozhdeniia v russkikh govorakh Severo-Zapada: Etimologicheskii i lingvogeograficheskii analiz* [Finno-Ugric Vocabulary in the Russian Dialects of the North-West: An Etymological and Areal Analysis]. St Petersburg: Nauka.
- Myznikov, S. A. (2010). Leksika pribaltiisko-finskogo proiskhozhdeniia v bylinakh Obonezh'ia i Belomor'ia [Vocabulary of the Finnic Origin in the Epics of Obonezhie and the White Sea]. In I. I. Mullonen (Ed.), *"Kalevala" v kontekste regional'noi i mirovoi kul'tury: materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posviashchennoi 160-letiiu polnogo izdaniia "Kalevaly"* [*Kalevala* in the Context of Regional and World Culture: Proceedings of the International Scholarly Conference Dedicated to the 160th Anniversary of the Complete Edition of *Kalevala*] (pp. 396–409). Petrozavodsk: KarNC RAN.
- Myznikov, S. A. (2019). *Russkii dialektnyi etimologicheskii slovar'. Leksika kontaktnykh regionov* [Russian Dialect Etymological Dictionary. Vocabulary of Contact Regions]. Moscow; St Petersburg: Nestor-Istoriia.
- Myznikov, S. A. (2021). *Russkie govory Belomor'ia v kontekste etnoiazykovogo vzaimodeistviia: opyt kompleksnogo issledovaniia* [Russian Dialects of the White Sea Region in the Context of Ethno-linguistic Interaction: An Attempt at a Comprehensive Study]. St Petersburg: Nestor-Istoriia.
- Myznikov, S. A. (2022). Olenevodcheskii leksikon v ural'skikh iazykakh v kontekste iazykovykh kontaktov [Reindeer Herding Lexicon in the Uralic Languages in the Context of Language Contacts]. *Etnicheskaiia kul'tura*, 4 (1), 44–54.
- Pakhomova, M. (1960). *Prishvin i Kareliia* [Prishvin and Karelia]. Petrozavodsk: Gosudarstvennoe izdatel'stvo Karel'skoi ASSR.
- Piskulin, A. A. (2010). Vygovskii kraj Olonetskoi gubernii v tvorchestve M. M. Prishvina [Vygovsky Region of the Olonets Province in the Work of M. M. Prishvin]. *Vestnik TGU*, 10 (90), 228–232.
- Podyukov, I. A. (2014). Osobennosti promyslovoi rechi Prikam'ia (po dannym leksiki okhoty i rybolovstva) [Peculiarities of Trade Speech of Prikamye (with Reference to the Vocabulary of Hunting and Fishing)]. In I. I. Rusinova (Ed.), *Traditsionnaia kul'tura Permskogo kraia v zerkale leksiki i frazeologii* [Traditional Culture of Perm Region in the Mirror of Vocabulary and Phraseology] (pp. 161–194). Perm: Izdatel'skii tsentr Perm University Press.
- Salo, I. V. (1966). *Vliianie pribaltiisko-finskikh iazykov na severnorusskie govory pomorov Karelii* [The Influence of the Finnic Languages on the Northern Russian Dialects of the Pomors of Karelia] (doctoral dissertation abstract). Moscow.
- Surikova, O. D. (2021). "Bol'shaia voda" u pomorov ["Big Water" in Pomors]. In E. L. Berezovich, N. V. Kabinina, V. S. Kuchko, & K. V. Osipova (Eds.), *Russkii Sever: leksika i onomastika* [Russian North: Vocabulary and Onomastics] (pp. 655–664). Moscow: Indrik.
- Svyatoslavsky, A. V. (2019). *Khudozhestvennyi tekst Mikhaila Prishvina: lingvostilisticheskii aspekt* [Literary Text by Mikhail Prishvin: Linguo-stylistic Aspect]. Moscow: MPGU.
- Teush, O. A. (2003). Etimologizatsiia finno-ugorskikh zaimstvovaniia v russkom iazyke i semanticheskii analiz [Etymologization of Finno-Ugric Loanwords in Russian and Semantic Analysis]. *Voprosy jazykoznanija*, 1, 99–108.

Trubitsina, N. A. (2013). Vodnaia stikhiia kak dominanta “karel’skogo teksta” v knige Mikhaila Prishvina “V kraiu nepuganykh ptits” [The Water Element as the Dominant of the “Karelian Text” in Mikhail Prishvin’s *In the Land of Fearless Birds*]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta*, 3, 74–77.

Varlamov, A. N. (2012). Stoilo li raspugivat’ ptits, ili Prishvin v Karelii [Was it Worth Scaring away the Birds, or Prishvin in Karelia]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta*, 5, 58–67.

Zaliznyak, A. A. (2004). *Drevnenovgorodskii dialekt* [Old Novgorod Dialect]. Moscow: Iazyki slavianskoi kul’tury.

Нагурная Светлана Викторовна

кандидат филологических наук,
ученый секретарь
Институт языка, литературы и истории
Карельского научного центра
Российской академии наук
185910, Петрозаводск,
ул. Пушкинская, 11
E-mail: kov@krc.karelia.ru

Nagurnaja, Svetlana Viktorovna

PhD (Philology), Academic Secretary
Institute of Linguistics, Literature and History
Karelian Research Centre
Russian Academy of Sciences
11, Pushkinskaya St., 185910 Petrozavodsk,
Russia
Email: kov@krc.karelia.ru
<https://orcid.org/0000-0002-6233-8045>
Scopus AuthorID: 57201194593
WoS ResearcherID: ABB-7614-2020